

Ю. Д. ЛЕВИН

РУССКИЕ
ПЕРЕВОДЧИКИ
XIX
ВЕКА

A decorative flourish consisting of symmetrical, swirling scrollwork elements in a light blue color, positioned below the text 'XIX ВЕКА'.

Допровод
Ганне Зиновьевне

Кашуновской
с серским и предвора
от алтора

Август 1985
Кеммергаз

В. П. П.

БИБЛИОТЕКА
КАУНОВОЙ ФАИНЫ ЗИНОВЬЕВНЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Ю. Д. Левин

РУССКИЕ
ПЕРЕВОДЧИКИ
XIX ВЕКА
И РАЗВИТИЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПЕРЕВОДА

Ответственный редактор
А. В. ФЕДОРОВ

1-980462

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1985

Введение

В очерке русского писателя-шестидесятника А. И. Левитова «Петербургский случай» (1869) герой, чиновник Иван Николаевич Померанцев, размышляя наедине с собою, между прочим говорит: «... Гоголь был <...>. Он дал нам нравы! Или не то, что дал, а научил нас подмечать в людях настоящие нравы. Это основатель русской литературы. Без него мы не поняли бы ни Диккенса, ни Теккерея и все пробавлялись бы дурацкими эпopeями о корнетах Z и княжнах X. А при нем <...> и мы в нашей пошлой жизни испытали кое-что очень хорошее. Вот Пашенька Домби, ребенок, неизвестно почему потухающий при тайном говоре брайтонских волн; вот Флоранс, портреты которой ты видел в изумрудных незабудках, растущих на наших лугах; Вальтер, добрая, всем помогающая сила, которой не растет на наших лугах... Вот капитан Куттль на деревянной ноге, лицо у него все поросло каким-то как бы печально-смеющимся, седоватым мхом; но он все-таки бодро кричит: держись крепче, капитан Куттль! Старик Куттль! Распускай все паруса — и полным ходом!»¹ И далее за героями романа «Домби и сын» следуют герои «Базара житейской суеты» Теккерея, «Записок Пиквикского клуба» Диккенса.

Или другой пример. В пьесе А. Н. Островского «Лес» (1870) трагик Несчастливцев обличает обитателей «леса»: «Люди, люди! Порождение крокодилов! Ваши слезы — вода! Поцелуи — кинжалы в грудь! <...> О, если бы я мог остервенить против этого адского поколения всех кровожадных обитателей лесов!» И когда помещик Милонов кричит: «За эти слова можно вас и к ответу!», Несчастливцев отвечает, показывая напечатанный перевод «Разбойников» Шиллера: «Ошибаешься. Цензуровано <...>. Ах, ты, злокачественный мужчина! Где же тебе со мной разговаривать! Я чувствую и говорю, как Шиллер, а ты — как подьячий!»²

Мы привели эти цитаты, — а их число можно было бы умножить, — потому что они, думается, нагляднее абстрактных рас-

¹ Левитов А. И. Соч. М.; Л., 1933, т. 2, с. 297—298.

² Островский А. Н. Полн. собр. соч. М., 1950, т. 6, с. 94.

суждений показывают, какую роль играла переводная литература в России XIX в., как она входила в обиход, в духовный мир русских людей, помогала им жить и мыслить. Особенно примечательным является истолкование, которое получили в очерке Левитова Диккенс и Теккерей. Они вошли в русло русской литературы, как бы сравнились с писателями натуральной школы, продолжателями Гоголя, связующим звеном между Гоголем и Достоевским. Они, как и другие переведенные писатели, стали неотъемлемой частью русской культуры.

То, что переводная литература органически входит в национальный литературный процесс, вступает в сложные взаимоотношения с оригинальной литературой и что без учета переводной литературы картина национального литературного развития не будет полной, хорошо понимали революционные демократы. Н. Г. Чернышевский еще в 1857 г. писал: «Переводная литература у каждого из новых европейских народов имела очень важное участие в развитии народного самосознания или <...> в развитии просвещения и эстетического вкуса». И далее Чернышевский добавлял: «Огромную важность имеет у нас переводная литература. До самого Пушкина она была несравненно важнее оригинальной. Да и теперь еще не так легко решить, взяла ли над нею верх оригинальная литература».³

История русской переводной литературы — это история поисков, постижения и воссоздания на родном языке произведений иноязычных писателей с целью освоить их достижения и тем самым обогатить отечественную культуру. Справедливо указывает А. В. Федоров: «Новая русская литература развивалась в постоянном живом общении с литературами других народов <...>. Свидетельством глубокого интереса русского народа к литературе и культуре его зарубежных соседей — близких и далеких — остается богатая переводная литература, замечательная по своим художественным достижениям, прочно связанная с собственным творчеством русских писателей. Все лучшее, что на русском языке было создано в области перевода, органически вошло в русскую литературу».⁴

Создание полной истории русской переводной литературы — дело будущего. Однако нельзя сказать, что ее автору (или авторам) придется строить на пустом месте. Попытки представить в целом историю перевода в нашей стране неоднократно уже предпринимались.⁵ Мы имеем в виду написанный М. П. Алексеевым (первооткрывателем в этой области) раздел «История пере-

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15-ти т. М., 1948, т. 4, с. 503—504 (далее во всех главах: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.).

⁴ Федоров А. Русские писатели и проблемы перевода. — В кн.: Русские писатели о переводе. XVIII—XX вв. Л., 1960, с. 6.

⁵ Важность и актуальность создания обобщающей истории русского перевода была обоснована в статьях: Шор В. Е. Как писать историю перевода? — В кн.: Мастерство перевода. М., 1973, сб. 9, с. 277—295; Левин Ю. Д. 1) Взаимосвязи литератур и история перевода. — В кн.: Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур: Материалы дискуссии. М., 1961,

вода в России» в статье «Перевод»,⁶ посвященные России части главы «Из истории перевода и переводческой мысли» в книгах А. В. Федорова по теории перевода,⁷ наконец, главу «К истории художественного перевода в России» в подобном же труде Г. Р. Гачечиладзе.⁸ Однако эти статьи в силу своей краткости могут рассматриваться лишь в качестве предварительных набросков.

Существуют и обобщающие статьи по истории переводческой мысли в России.⁹ Большой материал по истории переводной литературы собран в работах, исследующих восприятие зарубежных писателей в нашей стране. Здесь нет возможности назвать все многочисленные частные статьи на эту тему — ограничимся лишь указанием на монографии, перечень которых открывается трудом В. М. Жирмунского, послужившим во многом образцом для последующих исследователей.¹⁰ Подобные материалы содержатся и в аналогичных зарубежных исследованиях, преимущественно немецких.¹¹ Непосредственно отдельным вопросам истории перевода и переводной литературы в России посвящены монографии, принадлежащие перу учениц западногерманского ученого Дитриха Герхардта,¹² а также охватывающее полтора столетия иссле-

с. 305—308; 2) Национальная литература и перевод. — В кн.: Актуальные проблемы теории художественного перевода: Материалы Всесоюз. симпозиума, 1967, т. 1, с. 79—91.

⁶ Лит. энциклопедия. М., 1934, т. 8, стб. 521—526.

⁷ Федоров А. В. 1) Введение в теорию перевода. М., 1953, с. 27—62; 2-е изд. М., 1958, с. 41—80; 2) Основы общей теории перевода: (Лингвистический очерк). 3-е изд. М., 1968, с. 51—95; 4-е изд. М., 1983, с. 36—70.

⁸ Гачечиладзе Г. Введение в теорию художественного перевода. Тбилиси, 1970, с. 26—42.

⁹ Топер П. Традиции реализма: (Русские писатели XIX века о художественном переводе). — В кн.: Вопросы художественного перевода. М., 1955, с. 45—96; Левин Ю. Д. Об исторической эволюции принципов перевода: (К истории переводческой мысли в России). — В кн.: Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963, с. 5—63; см. также примеч. 4.

¹⁰ Жирмунский В. Гете в русской литературе. Л., 1937. 674 с.; То же. — Л., 1981. 558 с. (Избр. тр.); Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М.; Л., 1964. 439 с.; Шекспир и русская культура/Под ред. М. П. Алексеева. М.; Л., 1965. 823 с.; Катарский И. Диккенс в России. Середина XIX века. М., 1966. 428 с.; Старицына З. А. 1) Беранже в России. XIX век. М., 1969. 198 с.; 2) Беранже в русской литературе. М., 1980. 188 с.; Никольская Л. И. Шелли в России: (Лирика Шелли в русских переводах XIX—XX веков). Смоленск, 1972. 152 с.; Гордон Я. И. 1) Гейне в России (1830—1860-е годы). Душанбе, 1973. 360 с.; 2) Гейне в России. 1870—1917. Душанбе, 1979. 274 с.; 3) Гейне в России. XX век. Душанбе, 1983. 431 с.; Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. XVIII—первая треть XIX века. Л., 1978. 246 с.; Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе. Конец XVIII—первая треть XIX века. Л., 1980. 205 с.

¹¹ Например: Busch W. Horaz in Rußland: Studien und Materialien. München, 1964. 271 S.; Harder H. B. Schiller in Rußland: Materialien zu einer Wirkungsgeschichte, 1789—1814. Berlin; Zürich, 1969. 234 S.

¹² Pohl W. Russische Faust-Übersetzungen. Meisenheim-am-Glan, 1962. 186 S.; Eichstädt H. Zukovskij als Übersetzer: Drei Studien zu Übersetzungen V. A. Zukovskijs aus dem Deutschen und Französischen. München, 1970. 199 S.; Engel-Braunschmidt A. Deutsche Dichter in Russland im 19. Jahrhundert: N. V. Gerbel's «Deutsche Dichter in Biographien und Proben» als Zentrum der Kenntnis und Verbreitung deutscher Dichtung. München, 1973.

дование русских переводов Гейне швейцарского слависта Германа Ритца.¹³

Однако даже наличие всех перечисленных и неупомянутых исследований еще не позволяет утверждать, что предварительная работа осуществлена уже полностью или хотя бы в значительной мере. Недостаточно изучена, в частности, тема, которой посвящена настоящая книга, — русские переводчики XIX в.

Любой перевод, сколь бы ни был он близок и точен, являет собою переработку оригинала, осуществленную литератором, представителем иной национальной культуры, а нередко и иной эпохи. В результате литературное произведение, попадая на инациональную почву, претерпевает неизбежную трансформацию, обуславливаемую характером и потребностями воспринимающей среды, историческим моментом и т. д. Как указывал академик М. П. Алексеев, «всякое произведение литературы, переведенное на другой язык, подвергаясь своего рода изоляции от родной почвы и родственных произведений и приобретая „чужое“, несвойственное ему ранее звучание, теряет кое-какие из своих качеств и прежде всего признак времени своего создания <...>. Вместе с тем, однако, эти переводные произведения получают новые функции, которых они ранее не имели».¹⁴

Это преобразование инационального писателя в переводе имеет двоякий смысл. С одной стороны, оно вводит этого писателя в новую литературу, тем самым обогащая ее. Но, с другой стороны, «обогащается» и сам переводимый писатель. Инациональные интерпретации нередко помогают глубже понять и оценить его творчество, открыть в этом творчестве такие черты и особенности, которые остались бы скрытыми, если рассматривать одно лишь внутринациональное его усвоение. Мы бы обеднили наше понимание Шекспира, Шиллера, Байрона, Гейне, Ибсена, Толстого, Достоевского, Хемингуэя, Шолохова и многих других «всемирных» писателей, если бы не учитывали тот международный резонанс, который вызвало их творчество, те осмысления и переосмысления, каким оно подвергалось.

Но это новое осмысление осуществляется переводчиком — литератором с конкретным творческим обликом, обусловленным его эпохой, литературной и общественной судьбой, с переводческими принципами, в которые он, восприняв их от предшественников, внес что-то новое, свое, неповторимое. Творческая личность переводчика неизбежно накладывается на переводимое произведение, и оно воспринимается читателями уже в его преломлении. По-362 S. — Об этих монографиях см. в наших обзорах: «Иностранные работы о восприятии в России Гете и Шиллера» (Рус. лит., 1971, № 1, с. 212); «Зарубежные работы о переводном творчестве В. А. Жуковского» (там же, 1973, № 3, с. 233—235); «Исследование русских переводов немецкой поэзии» (там же, 1976, № 3, с. 222—225).

¹³ Ritz G. 150 Jahre russische Heine-Übersetzung. Bern etc., 1981. 478 S. (Slavica Helvetica; Bd 18). — См. нашу рецензию (Рус. лит., 1984, № 4, с. 205—209).

¹⁴ Алексеев М. П. Русская классическая литература и ее мировое значение. — Рус. лит., 1976, № 1, с. 7.

казательно, что герой цитированного выше очерка Левитова упоминает не вообще персонажей Диккенса и Теккерея, а именно из тех их романов, которые приобрели широкую известность в России в середине XIX в. благодаря талантливым и ярким переводам Иринарха Введенского. А Несчастливцев у Островского декламирует Шиллера в передаче Н. Х. Кетчера, замечательного общественного деятеля, близкого друга Герцена, Огарева, Белинского. Не изучив осуществленного ими (и другими переводчиками) воссоздания памятников иноязычных литератур, мы не сможем правильно понять историю переводной литературы, ее художественный и общественный смысл.

Творчество русских переводчиков XIX в., думается, имеет не только историческое, но и другое, практическое значение. Даже если их переводы отошли в прошлое, утратили активное воздействие на читателя, освоение их опыта — плодотворная школа для современных переводчиков. М. Л. Лозинский, создавая «Божественную комедию» Данте на русском языке, внимательно изучал труд своего предшественника Д. Е. Мина. Дружининский перевод «Короля Лира» учился у Б. Л. Пастернака, заново переводившим трагедию Шекспира. Лев Гинзбург наглядно продемонстрировал, каким уроком послужило для него ознакомление с существовавшими переводами Шиллера,¹⁵ и т. д.

Между тем наше литературоведение не уделяло должного внимания творчеству переводчиков прошлого. Чаще всего рассматривалась переводческая деятельность оригинальных писателей — Пушкина, Лермонтова, Фета, Тургенева, А. К. Толстого и др. Из писателей XIX в., в основном занимавшихся переводом, изучались главным образом Жуковский, Гнедич, Михайлов, отчасти И. Введенский (причем последний — преимущественно в плане обличения его переводческих «вольностей»). Об остальных переводчиках говорилось обычно лишь в связи с восприятием в России зарубежных писателей.

Настоящей книгой автор подводит итог своим исследованиям в избранной области. В ней сделана попытка осветить жизнь и творчество наиболее значительных русских переводчиков прошлого столетия. Не имея возможности из-за ограниченного объема книги представить всех переводчиков, заслуживающих внимания исследователя, мы отобрали тех из них, чья творческая деятельность отражала, на наш взгляд, определенный этап развития русского художественного перевода. Таким образом мы стремились проследить в последовательной смене поколений переводчиков становление понятия переводной литературы и эволюцию переводческих принципов в связи с общим развитием русской литературы. Это стремление побудило, в частности, включить в книгу главы: «В. А. Жуковский и проблема переводной поэзии» и «В. Г. Белинский — теоретик перевода», отличающиеся и по содержанию и по структуре от других глав.

¹⁵ См.: Гинзбург Лев. «Разбилось лишь сердце мое...». М., 1983, с. 202—212.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
1. В. А. Жуковский и проблема переводной поэзии	8
2. М. П. Вронченко	26
3. Э. И. Губер — переводчик «Фауста» Гете	51
4. А. Н. Струговщиков	72
5. В. Г. Белинский — теоретик перевода	97
6. И. И. Введенский	105
7. А. В. Дружинин — переводчик Шекспира	144
8. Н. В. Гербель	162
9. М. Л. Михайлов	181
10. Д. Е. Мин	214
11. Д. Л. Михаловский	235
12. П. И. Вейнберг	261
Заключение	289
Указатель имен	291